УДК 347.441.62

ТОЛКОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

© 2018 г. ***Н.Е. Сосипатрова, А.Ю. Бурова***

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sosipatrova@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.01.2018

Дается обзор основных концепций толкования гражданско-правовых договоров, используемых в различных государствах. Рассматриваются различные способы толкования условий договоров, используемых в Российской Федерации, исследуется практика их применения. Авторы приходят к выводу об усилении тенденций по заимствованию российской правовой системой некоторых зарубежных концепций толкования договоров.

Ключевые слова: неясные договорные условия, концепции толкования договоров, толкование договоров в зарубежной практике, толкование договоров в российской действительности.

В современной юридической науке и практике остро стоит проблема толкования договорных условий, от разрешения которой зависит надлежащее исполнение договора. В различных государствах используются разные способы толкования гражданско-правовых договоров. Их изучение представляется чрезвычайно полезным для возможного восприятия российскими правоприменителями. С этой целью в настоящей статье будут, во-первых, рассмотрены правила толкования гражданско-правовых договоров, выработанные в практике зарубежных государств; во-вторых, определены способы толкования гражданско-правовых договоров, существующие в российском праве; в-третьих, дана оценка перспективам применения в российской действительности правил толкования договоров, используемых в зарубежном праве.

Сначала необходимо определиться, в каких случаях возникает необходимость толкования договора. В российской литературе отмечается, что «наличие, как минимум, двух различных пониманий одного договорного условия является общей предпосылкой для возникновения спора о толковании договора» [1, с. 11]. Следовательно, существуют два понятия, которые следует отличать друг от друга: «толкование договора» и «спор о толковании договора». Толкование договора происходит, так или иначе, всегда при его прочтении. Тем самым субъект воспринимает содержание договора, уясняет для себя смысл договора и его отдельных положений, а также может разъяснить для других воспринятую им информацию.

Спор о толковании договора, в свою очередь, возникает, когда количество субъектов, исследующих содержание договора, два и более. Первоначально, как правило, ими являются стороны, каждая из которых по-разному воспринимает то или иное положение. Подобная ситуация может быть следствием различных обстоятельств: наличия в договоре неопределенного (неясного) условия (когда оно имеет два или более значения) либо противоречащих друг другу положений.

В зарубежной литературе приводится следующий пример неопределенного условия. В договоре стороны предусмотрели доставку товаров на пароходе с названием *Peerless*. Оказалось, что из порта с разницей в несколько часов выходили сразу два парохода с таким названием, однако с разным временем прибытия в пункт назначения. В результате поставщик отгрузил товары не на тот пароход, который имел в виду покупатель, подписывая контракт [2, с. 12]. В данном случае очевидна недостаточная конкретизация договорного условия. Если бы стороны более ответственно отнеслись к описанию средства транспорта, возникновение спора удалось бы предотвратить.

В договорах иногда встречаются положения, прямо противоречащие друг другу. Их обнаружение – также признак невнимательности сторон при разработке договорного текста. Российская судебная практика знает такие примеры. Так, в одном пункте договора банковского кредитования указывалось, что в случае взыскания задолженности по основному долгу и начисленным процентам в судебном порядке проценты за пользование кредитом начисляются по день вынесения судебного решения, а в другом пункте этого же договора – что проценты начисляются кредитором со дня

выдачи по день погашения кредита включительно. Таким образом, неясным оставался момент прекращения обязательства заемщика уплачивать проценты за пользование денежными средствами [3].

В случае обнаружения условий договора, которые неодинаково трактуются его сторонами, толкование таких условий ложится на плечи судебных органов, поскольку сторонам в таких случаях чаще всего не удается прийти к компромиссу. Ситуация осложняется тем, что, как правило, применение одной из возможных трактовок обязательно ставит одну из сторон в более благоприятное положение, с чем, разумеется, не согласна другая сторона, предлагающая свой вариант толкования.

В этих случаях перед судом встает вопрос о способах и методах толкования договора, посредством которых можно разрешить возникший спор о толковании. Зарубежная доктрина и практика предлагают достаточно широкий спектр приемов, составляющих арсенал любого судьи, столкнувшегося с подобными проблемами. Р. Познер предлагает четыре способа решения проблемы [2, с. 13].

Первый способ известен всем развитым юрисдикциям: если из текста договора прямо не следует его однозначный смысл, то необходимо выявить, что стороны действительно имели в виду, иными словами, выявить общую волю сторон. Однако этот способ будет работать только в том случае, если стороны действительно имели общую волю по спорному вопросу, но неверно ее выразили в тексте соглашения.

Второй способ тесно связан с судейским усмотрением и представляет собой чисто английский институт – «доктрина разумного человека». В этом случае судья выбирает наиболее рациональное, экономически эффективное толкование договора, то есть делает предположение о том, какое условие на месте сторон включил бы в договор разумный деловой человек.

Концепция «разумного человека» связана с таким правилом толкования договоров, как *the Best Guess Rule*. В этом случае судье даже не нужно прибегать к помощи никаких иных доказательств для определения содержания спорного условия. Используя человеческое свойство рациональности, судья толкует спорное условие так, как стороны бы его истолковали, если бы в момент заключения договора предвидели возникновение ситуации, обусловленной неясностью в договоре.

Третий способ представляет собой специфические правила толкования договора, которые можно обозначить как «правила, используемые для того, чтобы разбить ничью» (*Tie-breaking Rules*). К ним относятся правила о толковании договора против стороны, которая пытается привести контракт в исполнение, и правила о толковании договора против стороны, разработавшей договор. Последнее больше известно как *the Contra Proferentem Rule.*

В последнее время *the Contra Proferentem Rule* начало широко применяться на практике. На законодательном уровне оно содержится, например, в ст. 1162 Гражданского кодекса Франции («в случае сомнения соглашение должно толковаться против того, кто выговорил условия (в договоре), и в пользу того, кто принял на себя обязательства» [4, с. 348]). О его распространенности свидетельствует и то, что оно нашло свое отражение в ст. 4.6 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА («если условия договора, выдвинутые одной стороной, являются неясными, то предпочтение отдается толкованию, которое противоположно интересам этой стороны» [5]).

Четвертым способом является буквальное формальное толкование договора, в соответствии с которым презюмируется, что договор – это соглашение сторон, в котором полно и законченно урегулированы все вопросы, связанные с его исполнением. Эта презумпция лишает стороны права ссылаться на все иные доказательства в подтверждение условий договора. С буквальным толкованием в странах англо-саксонской правовой семьи тесно связаны еще два правила толкования договоров: *the Four Corners Rule* и *the Parol Evidence Rule.*

The Four Corners Rule предполагает, что смысл документа может быть установлен из содержания всего документа, то есть необходимо исследовать весь документ в целом, а не его отдельные части. Применительно к толкованию договоров это правило означает также исследование только текста соглашения, но не всех иных доказательств.

The Parol Evidence Rule также воспринимает договор как целостный документ и запрещает сторонам ссылаться на переговоры, проводимые до заключения контракта, если их содержание противоречит договору, заключенному в письменном виде. Иными словами, если *the Parol Evidence Rule* запрещает использование только доказательств, противоречащих письменному договору, то *the Four Corners Rule* идет еще дальше и запрещает вообще использование всех иных доказательств, вне зависимости от того, противоречат ли они письменному документу.

В литературе, однако, указывается, что в некоторых случаях применение *the Parol*

Evidence Rule может быть ограничено. Например, допускается использование иных доказательств в целях подтверждения того, что между сторонами помимо основного договора были заключены еще и вспомогательное соглашение либо соглашение о гарантийных обязательствах [6, с. 338].

Следует также отметить, что иногда стороны сами могут установить *the Four Corners Rule* и *the Parol Evidence Rule* в своем договоре – сделать оговорку о том, что юридическую силу имеет только сам договор, а все иные документы, касающиеся его, либо устные договоренности сторон не имеют такой силы (*merger clause*). В одном из недавно проведенных исследований отмечалось, что большинство предпринимательских контрактов содержат такую оговорку [7].

Нельзя не отметить, что подобные правила вносят стабильность в договорные отношения сторон и одновременно стимулируют стороны к тщательному составлению договора. Любая неточность или малейшая ошибка в тексте могут повлечь за собой судебное разбирательство, где процесс доказывания содержания спорного условия будет затруднителен ввиду вышеуказанных обстоятельств.

Таким образом, четвертый способ толкования договора ограничивает свободу в толковании условий договора, в частности свободу усмотрения судьи, которой он обычно обладает.

Помимо указанных выше способов толкования гражданско-правовых договоров в зарубежной практике на уровне законодательных актов закреплены отдельные специфические принципы толкования, многие из которых были известны еще со времен римского права.

1. Толкование договора в пользу его исполнимости. В настоящее время данное положение закреплено в § 332 американского *Corpus Juris Secundum (CJS)*: «договор подлежит толкованию в пользу взаимности и определенности обязательств его сторон, а также возможности его исполнения» [8, с. 315].

2. Толкование в пользу действительности или заключенности договора. В соответствии со ст. 1157 Гражданского кодекса Франции, «если какое-либо договорное условие может пониматься в двух смыслах, то следует понимать его предпочтительно в том смысле, в каком оно может повлечь какие-либо последствия, а не в том смысле, в каком оно не имело бы никаких последствий».

3. Толкование в пользу меньшего объема обязательств. В силу ст.1371 Гражданского кодекса Италии, «при невозможности истолкования следует считать, что должник принял на себя меньший объем обязательств» [9]. В § 334 CJS содержится правило о приоритете такого толкования, которое не предусматривает лишения прав или имущества, если иное не следует из договора.

Три вышеприведенных принципа толкования договоров направлены на поддержание стабильности договорных отношений и исходят из того, что стороны изначально намеревались создать действительную правовую конструкцию, предусматривающую сохранение разумного баланса интересов сторон и их взаимную выгоду от договорного сотрудничества. Таким образом, презюмируется, что обе стороны хотят исполнить договор в полном объеме и, придерживаясь принципа добросовестности, не стремятся возложить на своего контрагента обязанностей больше, чем это предусмотрено самим договором.

Одной из проблем, возникающих при толковании договора, является наличие пробелов в договоре, то есть отсутствие в договоре волеизъявления сторон по какому-либо вопросу. Многие юрисдикции позволяют суду самостоятельно восполнить пробелы в договоре, соблюдая при этом выработанные правила восполнения: «тут суды реконструируют содержание не прописанного в договоре прямо, но с большей вероятностью подразумеваемого сторонами правила» [10, с. 423].

Иногда положения, позволяющие восполнить пробелы в договоре, изложены в самом законе (так называемые диспозитивные нормы), однако если законодательное регулирование отсутствует, то для восполнения пробелов в договоре используются немецкая доктрина восполнительного толкования (*Ergänzende Vertragsauslegung*) и английская доктрина подразумеваемых фактических условий (*Terms Implied in Fact*).

На общепринятость восполнения договоров указывает то, что соответствующая статья (ст. 4.8) содержится и в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА: «если стороны договора не согласовали условия, являющегося важным для определения их прав и обязанностей, то договор восполняется условием, представляющимся соответствующим при данных обстоятельствах».

Сущность восполнительного толкования, применяемого в немецком праве, была выражена Верховным судом Германии: «Судья должен выявить и принять во внимание то, о чем стороны умолчали, но что, принимая во

внимание конечную цель договора, должно было быть в нем зафиксировано, если бы все его пробельные места были урегулированы в соответствии с принципом справедливости и обычаями делового оборота» [11, с. 112].

Таким образом, в основу восполнительного толкования ставится гипотетическая воля сторон. При этом необходимо учитывать, что положение, восполняющее пробел в договоре и основанное на гипотетической воле сторон, не может противоречить положениям, которые уже существуют в договоре [12, с. 79].

Что касается концепции подразумеваемых условий, то в английской доктрине выделяют три вида подразумеваемых условий:

а) условия, подразумеваемые в обычае (*Terms Implied by Custom*);

б) условия, подразумеваемые в законе (*Terms Implied by Law*);

в) подразумеваемые фактические условия (*Terms Implied in Fact*) [13].

В процессе рассмотрения спора о толковании договора судья может восполнить пробел в договоре посредством обращения к нормам закона, обычаям либо вывести это условие самостоятельно путем обращения к предполагаемой воле сторон. Английская судебная практика выработала критерии, которым должно отвечать условие, имплементируемое в договор судом [13].

Во-первых, это критерий экономической эффективности (*business efficacy*). Он был выработан в деле *The Moorcock,* в котором суд посчитал, что ответчик должен был предупредить истца о неровностях дна реки, прежде чем корабль истца достиг порта, хотя в договоре это условие не было прямо предусмотрено.

Поскольку экономическая эффективность – это весьма расплывчатое понятие, то и условия, которые соответствуют критерию экономической эффективности, могут быть самыми разными («в договоре о предоставлении урока по вождению подразумевается, что учебный автомобиль является застрахованным, в договоре аренды турецкой бани подразумевается, что скамейки должны быть очищены от вредных паразитов и т.д.» [12, с. 81]).

Во-вторых, это критерий, описываемый через фигуру «незаинтересованного наблюдателя» (*officious bystander*), означающий, что условие должно быть настолько очевидным, что оно должно было быть включено в договор изначально. Этот критерий появился в деле *Shirlaw v Southern Foundries (1926) Limited,* которое касалось корпоративного права. Однако позднее его распространили и на договорные отношения между сторонами. Например, очевидным является то, что при передаче автомобиля по договору купли-продажи автомобиля продавец обязан передать также ключ зажигания. Поэтому данная его обязанность может и не содержаться в договоре, но она всегда будет подразумеваться.

Так выглядит примерный перечень наиболее значимых способов толкования гражданско-правовых договоров, применяемых в зарубежной практике. Многие из них имеют долгую историю существования, а потому прочно вошли в право иностранных государств, в том числе были закреплены на законодательном уровне.

Какие же способы толкования договоров используются в российской практике? Прежде всего необходимо отметить, что в законодательстве Российской Федерации существует лишь одна статья, посвященная толкованию договора, – ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Согласно ст. 431 ГК РФ, «при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон» [14].

Таким образом, гражданское законодательство России устанавливает многоступенчатую систему толкования договора, согласно которой вначале предписывается принимать во внимание буквальное значение договорного текста. При оставшейся неясности ГК РФ предусматривает необходимость систематического толкования договора (путем сопоставления спорного условия с другими условиями и смыслом договора).

И только если вышеперечисленные методы не справились с задачей уяснения смысла договорного условия, можно переходить к попытке установления общей воли сторон с учетом цели договора (здесь находит свое

отражение и телеологическое толкование). При установлении общей воли стороны могут ссылаться на любые иные источники, которые содержат подтверждение намерений сторон.

Анализ судебной практики, сложившейся за время существования первой части ГК РФ, показывает, что суды, следуя букве закона, отдают предпочтение буквальному толкованию условий договора и только в случае их неясности выясняют общую волю сторон договора. Например, в своем определении от 10.03.2017 г. по делу № 301-ЭС16-13752 Верховный Суд РФ принял во внимание волю сторон только после буквального толкования текста договора и невозможности однозначно определить, что именно являлось предметом договора [15].

В российской практике распространен комплексный подход к толкованию условий договора (систематическое толкование). Формально он отражен в самой ст. 431 ГК РФ, где указывается, что буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Это правило очень часто применяется на практике. В одном из дел с помощью системного толкования были защищены права дольщика по договору участия в долевом строительстве. В договоре было указано, что застройщик обязуется в срок не позднее двух месяцев со дня получения застройщиком разрешения на ввод многоквартирного дома в эксплуатацию обеспечить передачу участникам долевого строительства объекта долевого строительства в завершенном многоквартирном доме путем подписания акта приема-передачи квартиры. Так как указанное разрешение не было получено, нижестоящие суды сочли, что у застройщика еще не возникла обязанность по передаче квартиры дольщику. Однако Верховный Суд РФ отметил, что сроки ввода дома в эксплуатацию были четко определены другими положениями договора (до 31 марта 2014 г.), а следовательно, «исходя из системного толкования условий данного договора должник был обязан передать квартиру не позднее 31 мая 2014 г.» [16].

Общая воля сторон устанавливается судом с использованием различных источников:

а) практики обычаев делового оборота и общей практики гражданской ответственности. Поскольку буквальное толкование пункта договора оставляло неясность относительно того, каким способом подлежит начислению неустойка за просрочку платежа (за каждый день просрочки или с однократным применением), суд принял во внимание «установившуюся практику обычаев делового оборота и общую практику гражданской ответственности и пришел к выводу о том, что неустойка, предусмотренная в пункте 5.8 договоров, расценивалась сторонами как неустойка, начисляемая за каждый день просрочки обязательства с нарастающим итогом» [17];

б) фактического поведения сторон. При невозможности, исходя из условий договора, определить дату прекращения действия договора, суд установил, что «из фактического поведения сторон следует, что заказчик выразил волеизъявление на прекращение оказания услуг перевозчиком и в последующем не заявил об их возобновлении, а напротив – сообщил об окончательном отказе от услуг истца и расторжении договора, что позволяет считать этот договор прекратившим свое действие» [18];

в) переписки сторон. При споре относительно того, является ли договор лизинга выкупным, судом была принята во внимание переписка лизингополучателя и лизингодателя: «фактически воля сторон была направлена на заключение именно договора выкупного лизинга, следовательно, выкупная стоимость предмета лизинга вошла в состав лизинговых платежей» [19].

Помимо прямо указанных в ст. 431 ГК РФ способов толкования договора в связи с принятием постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» в практику судов вошел относительно новый для российской действительности принцип толкования неясных условий договора – *Contra Proferentem* (от лат. «против предложившего»). В п. 11 указанного постановления отмечается, что в случае исчерпания средств, предусмотренных ст. 431 ГК РФ, «толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т. п.)» [20].

Следовательно, «ныне упраздненный Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ), оказывая руководящее воздействие на судебную практику, в данном случае фактически создал

новую норму права, применив расширительное толкование ст. 431 ГК РФ» [21, с. 158].

Специфической особенностью правила толкования *Contra Proferentem* является не нахождение того варианта, который стороны действительно имели в виду при составлении договора, и даже не формальное установление буквального значения его текста. Для суда фактически становится неважным само содержание спорного условия, для него становится важным лишь то, кто являлся его автором.

Характерной особенностью судебной практики после принятия указанного постановления Пленума ВАС РФ явилось то, что суды стали гораздо чаще и активнее применять толкование «против предложившего». Поэтому можно отметить, что толкование *Contra Proferentem* прочно вошло в российскую судебную практику и активно применяется судами.

В целом арсенал средств, применяемых для толкования гражданско-правовых договоров российскими судьями, на этом заканчивается. Закрепив в судебной практике правило *Contra Proferentem*, российский правопорядок однозначно сделал шаг вперед в направлении увеличения эффективности толкования договоров.

К иным методам, применяемым в зарубежной практике, отношение российского законодателя и правоприменителя весьма настороженное. Так, в области толкования договоров не применяются английские институты *the Four Corners Rule* и *the Parol Evidence Rule.* Разумеется, использование всех иных доказательств для толкования спорного условия допускается. Однако следует сделать важную ремарку: все иные доказательства будут приняты только в случае, если буквальное значение условия договора не ясно и возникла необходимость установить общую волю сторон.

Имеет смысл остановиться и на следующем важном вопросе. Иногда стороны могут включить в свой договор оговорку, похожую на рассмотренную выше *merger clause:* «с даты заключения настоящего договора вся предшествующая переписка и переговоры между сторонами по вопросам, являющимся предметом настоящего договора, теряют силу». Таким образом, наблюдается ограниченное проникновение *the Four Corners Rule* в российскую практику.

Но какова юридическая сила такой оговорки с учетом содержания правил толкования договоров, изложенных в ст. 431 ГК РФ? Определенного ответа судебная практика на данный вопрос не дает. На наш взгляд, до тех пор, пока у сторон не возникнет спор о толковании условия договора, все обстоятельства, обозначенные в самом договоре, как утратившие силу, такой силой действительно не обладают.

Однако в случае возникновения спора о толковании и сохранения неясности спорного условия после попыток установления буквального значения текста договора суд – в целях выявления общей воли сторон, и прежде всего в целях выявления возможного факта введения в заблуждение одной стороной другой стороны – будет обладать возможностью исследовать, в том числе и предшествующую переписку, содержание переговоров и другие обстоятельства. Хотя одновременно не исключаем, что в чисто предпринимательских (b2b) отношениях ссылка стороны на обстоятельства, признанные утратившими силу обоюдным соглашением, не будет принята судом во внимание.

Но тогда неминуем так называемый «интерпретационный тупик» – ситуация, когда применение всех способов толкования не позволяет все же установить содержание договора. А отсутствие доказательств того, кто является автором текста договора, влечет за собой и невозможность применения правила *Contra Proferentem*. В связи с этим, по нашему мнению, принимать во внимание обстоятельства, признанные утратившими силу обоюдным соглашением сторон, можно в случае, если их непринятие может повлечь за собой невозможность истолкования текста договора.

Что касается таких правил толкования гражданско-правовых договоров, как толкование в пользу исполнимости, действительности, заключенности договора, необходимо отметить, что они хотя прямо и не предусматриваются действующим российским законодательством в качестве таковых, однако косвенно закреплены в законе и применяются на практике (ст. 168, п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Обратимся к возможностям восполнения пробелов в договоре российскими судами. В российской правовой системе сложилось отрицательное отношение к судебному вмешательству в договорные отношения. Договор священен и непоколебим, изменения в него могут вноситься лишь сторонами. Это следует из практики применения некоторых норм ГК РФ. Например, достаточно известно, как сложно изменить и расторгнуть договор в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). В тех редких случаях, когда это удается, предпочтение

отдается расторжению договора, а изменение допускается судом лишь в исключительных ситуациях (п. 4 ст. 451 ГК РФ).

В Российской Федерации активно используется единственная разновидность восполнения договоров – применение диспозитивных норм. Если в договоре отсутствует положение, регулирующее ту или иную ситуацию, применению подлежит диспозитивная норма закона, если стороны прямо своим соглашением не исключили ее применение.

Собственно восполнительное толкование, сущностью которого является конструирование гипотетической воли сторон по типу немецкой доктрины восполнительного толкования либо английской концепции подразумеваемых условий, в российской практике не используется. Тем не менее можно привести примеры, когда законодатель предписывает судьям восполнить пробелы в договоре. Согласно п. 5 ст. 429 ГК РФ, в случае возникновения разногласий сторон относительно условий основного договора такие условия определяются в соответствии с решением суда. Однако представляется, что здесь речь также идет в основном о применении диспозитивных норм.

В российской практике существует лишь одно достаточно известное дело, где суд применил собственно восполнительное толкование договора. В соответствии с условиями заключенного мирового соглашения ответчик обязался уплатить истцу сумму неосновательного обогащения. В связи с просрочкой выплаты суммы неосновательного обогащения истец предъявил ответчику требование об уплате процентов за неправомерное пользование денежными средствами. При этом в самом мировом соглашении отсутствовали положения об указанных процентах.

Президиум ВАС РФ признал, что основания для взыскания процентов отсутствуют, поскольку «невключение в текст мирового соглашения условий о необходимости выполнения каких-либо дополнительных обязательств означает соглашение сторон о полном прекращении гражданско-правового конфликта и влечет за собой потерю права сторон на выдвижение новых требований (эстоппель), вытекающих как из основного обязательства, так и из дополнительных по отношению к основному обязательству» [22].

Следовательно, суд в данном случае восполнил пробел в мировом соглашении, указав, что стороны, заключая мировое соглашение, имели в виду полное прекращение гражданско-правового конфликта, без оставления за любой из сторон права выдвигать какие-либо требования из рассматриваемого обязательства. Очевидно, что решение суда было направлено на пресечение злоупотребления истца своими правами. На наш взгляд, для правильного применения восполнительного толкования необходима выработка четких критериев, в соответствии с которыми оно должно применяться. В то же время восполнительное толкование подлежит использованию только в исключительных случаях в целях защиты слабой стороны договора, а вмешательство суда в договорные отношения должно быть сведено к минимуму.

Таким образом, в России сложилась и функционирует собственная система способов толкования гражданско-правовых договоров. При этом имеющиеся способы образуют иерархию, внутри которой определена последовательность применения конкретных правил толкования.

В настоящее время усилились тенденции по заимствованию некоторых зарубежных концепций толкования договоров. Некоторые из них (*the Contra Proferentem Rule*) прочно вошли в российскую практику и успешно позволяют решать интерпретационные проблемы. Другие (*восполнительное толкование*) необходимо применять с осторожностью, не затрагивая свободу самих сторон в определении содержания условий договора.

В целом, применение зарубежных доктрин при толковании договоров в российской действительности следует оценивать позитивно, поскольку каждая из них имеет рациональное начало, необходимое для толкования содержания договоров.

Список литературы

1. Байрамкулов А.К. Особенности толкования договора в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 244 с.

2. Posner R.A. The Law and Economics of Contract Interpretation // Law & Economics Working Paper No. 229, 2004.

3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2014 г. № 09АП-31480/2014 по делу № А40-14923/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru (дата обращения: 30.09.2017).

4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. 624 с.

5. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // Закон. 1995. № 12.

6. Elgar Encyclopedia of Comparative Law (edited by Jan M. Smits). Edward Elgar Publishing Limited. USA, 2006.

7. Benoliel U. The Interpretation of Commercial Contracts: An Empirical Study (January 20, 2017). Alabama Law Review, Forthcoming. Available at SSRN: https://ssrn. com/abstract=2902540 (дата обращения: 30.09.2017).

8. Corpus Juris Secundum (by Robert J. Owens and Anthony V. Amodio). Vol. 17A. St. Paul, Minn. West Publishing Co, 1999.

9. Codice civile Italiano. Available at: http://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2015/01/02/codice-civile (дата обращения: 30.09.2017).

10. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.

11. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2. Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998. 512 с.

12. Байрамкулов А.К. Толкование договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2016. 224 с.

13. Heaton C. The Significance of Implied Contractual Terms (Aug 30, 2012). Available at: http://www.morrisonkent.co.nz/news/19/24/The-Signifi cance-of-Implied-Contractual-Terms/ (дата обращения: 30.09.2017).

14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2017 г. по делу № 301-ЭС16-13752 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1525044 (дата обращения: 30.09.2017).

16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 г. по делу № 305-ЭС16-6006 (7) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1491426 (дата обращения: 30.09.2017).

17. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30.05.2014 г. по делу № А28-9973/2013 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru (дата обращения: 30.09.2017).

18. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.04.2016 г. № Ф02-1615/2016 по делу № А58-894/2015 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru (дата обращения: 30.09.2017).

19. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.06.2015 г. № Ф05-5663/2015 по делу № А40-132894/14 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru (дата обращения: 30.09.2017).

20. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

21. Сосипатрова Н.Е., Кабанова А.Ю. Толкование договоров contra proferentem: опыт применения в российском праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 158–162.

22. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 г. № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru (дата обращения: 30.09.2017).

References

1. Bajramkulov A.K. Osobennosti tolkovaniya dogovora v rossijskom grazhdanskom prave: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015. 244 s.

2. Posner R.A. The Law and Economics of Contract Interpretation // Law & Economics Working Paper No. 229, 2004.

3. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 07.11.2014 g. № 09AP-31480/2014 po delu № A40-14923/2014 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru (data obrashcheniya: 30.09.2017).

4. Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona) ot 21.03.1804 g. (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 01.09.2011) // Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona). M.: Infotropik Media, 2012. 624 s.

5. Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov (Principy UNIDRUA) (1994 god) // Zakon. 1995. № 12.

6. Elgar Encyclopedia of Comparative Law (edited by Jan M. Smits). Edward Elgar Publishing Limited, USA, 2006.

7. Benoliel U. The Interpretation of Commercial Contracts: An Empirical Study (January 20, 2017). Alabama Law Review, Forthcoming. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2902540 (data obrashcheniya: 30.09.2017).

8. Corpus Juris Secundum (by Robert J. Owens and Anthony V. Amodio). Vol. 17A. St. Paul, Minn. West Publishing Co, 1999.

9. Codice civile Italiano. Available at: http://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2015/01/02/codice-civile (data obrashcheniya: 30.09.2017).

10. Karapetov A.G. Ehkonomicheskij analiz prava. M.: Statut, 2016. 528 s.

11. Cvajgert K., Ketc H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 2. Per. s nem. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1998. 512 s.

INTERPRETATION OF CIVIL CONTRACTS IN FOREIGN AND RUSSIAN LEGAL SYSTEMS

N.E. Sosipatrova, A.Yu. Burova

This article presents an overview of the main concepts concerning the interpretation of civil contracts used in different countries. Different ways of interpretation used in the Russian Federation are considered; the practice of their application is analyzed. The authors come to the conclusion that the tendencies of borrowing certain foreign concepts of contract interpretation by the Russian legal system are increasing.

Keywords: ambiguous contract terms, concepts of contract interpretation, interpretation of contracts in foreign practice, interpretation of contracts in Russian reality.

12. Bajramkulov A.K. Tolkovanie dogovora v rossijskom i zarubezhnom prave. M.: Statut, 2016. 224 s.

13. Heaton C. The Significance of Implied Contractual Terms (Aug 30, 2012). Available at: http://www. morrisonkent.co.nz/news/19/24/The-Significance-of-Implied-Contractual-Terms/ (data obrashcheniya: 30.09.2017).

14. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.

15. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10.03.2017 g. po delu № 301-EhS16-13752 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf_ ec.php?id=1525044 (data obrashcheniya: 30.09.2017).

16. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.11.2016 g. po delu № 305-EhS16-6006 (7) [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_ pdf_ec.php?id=1491426 (data obrashcheniya: 30.09.2017).

17. Postanovlenie FAS Volgo-Vyatskogo okruga ot 30.05.2014 g. po delu № A28-9973/2013 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru (data obrashcheniya: 30.09.2017).

18. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 20.04.2016 g. № F02-1615/2016 po delu № A58-894/2015 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru (data obrashcheniya: 30.09.2017).

19. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 22.06.2015 g. № F05-5663/2015 po delu № A40-132894/14 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru (data obrashcheniya: 30.09.2017).

20. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14.03.2014 g. № 16 «O svobode dogovora i ee predelah» // Vestnik VAS RF. 2014. № 5.

21. Sosipatrova N.E., Kabanova A.Yu. Tolkovanie dogovorov contra proferentem: opyt primeneniya v rossijskom prave // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 2. S. 158–162.

22. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 22.03.2011 g. № 13903/10 po delu № A60-62482/2009-S7 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru (data obrashcheniya: 30.09.2017).